

НАША СТРАНА

SEMANARIO

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO V

Buenos Aires, sábado, 13 de diciembre de 1952

• Буэнос Айрес, суббота 13 декабря 1952 г.

№ 152

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ПЛОДЫ ОЛИМПИАДЫ

Те счастливые времена, когда я еще проявлял спортивный интерес к метрам, секундам, килограммам и первенствам — прошли очень давно, хотя занятия спортом я прервал только около полугода тому назад, конечно, только временно. Поэтому Гельсингфорсская Олимпиада прошла для меня вовсе незамеченной. Эмигрантская пресса, как оказалось, проявила к этой Олимпиаде довольно значительный интерес, но комментарии этой прессы не блещут решительно никаким глубокомыслием: того факта, что результаты Олимпиады явились необычайно сильным пропагандным орудием в руках Советов, наша пресса как-то не заметила — бывает.

Новых читателей я хочу предупредить: тут я специалист. Почти все время пребывания в Советской России я работал "инструктором физкультуры" и даже "во всеююзном масштабе". Мое отношение ко всякой "узкой специализации" всегда было резко отрицательным. Таким оно осталось и сейчас. Так что, если посмотреть на современный спорт с двух точек зрения: а) специалиста и б) человека, отрицательно относящегося к специализации, то можно установить тот, для меня совершенно несомненный факт, что современный "спорт" с чрезвычайной быстротой начинает принимать совершенно уродливые формы. Приблизительно те же, какие были характерны для Рима времен его разложения и упадка. В общем: основная задача физической культуры — поднятие здоровья нации или массы, или хотя бы молодежи, — заменяется чисто зрелищным принципом: один специалист прыгает в высоту с разбега, а десять тысяч зрителей, если когда-либо и прыгали, то только с трамвая и без разбега. Дальше: эллинский принцип разностороннего развития конкретизированный в эллинском пятиборье (оно кончалось борьбой между двумя победителями в первых четырех пятиборьях) заменился узкой специализацией — иногда требующей уродливого человеческого телосложения, иногда вызывающей это уродство. В общем, "наукой установлено", что средняя продолжительность жизни рекордсмена ниже среднего уровня данной страны и что женский рекорд означает искалеченный на всю жизнь

женский организм. Но я не собираюсь писать трактат о физической культуре.

Во всяком случае, современный спорт принял безусловно уродливое развитие: сотни узкоспециализированных дядей занимаются такими совершенно бессмысленными упражнениями, как толкание ядра, а сотни тысяч смотрят. Никакого "джентльменства" все это не развивает никак: всякая олимпиада, помимо сантиметров и секунд, опирается на жульничество — и официальное и неофициальное. Если в официальную часть олимпиады будут введены "городки", то разумеется все первые места займут русские. Если будет введен бейзбол — то американцы: в городки играют только в России и больше нигде, в бейзбол играют только в Америке и больше нигде. Неофициальные виды жульничества разнообразны до бесконечности. Классический случай на Олимпиаде 1912 года:

В официальном забеге на сто метров участвуют десять спринтеров из стран: А, Б, В, Г и т. д. Стартером является представитель страны А. Перед стартом он говорит двум своим соотечественникам: "я дам четыре фальшивых старта и только пятый будет всерьез, так что на первых четырех стартах вы берегите силы". На первых четырех стартах представители стран Б, В, Г и т. д. срывались и тратили силы, — старт самое трудное в стометровке. А представители страны А сберегли свои силы. Дело же шло о десятых долях секунды. Это, так сказать, приличный случай. Бывают и менее приличные — попытки искалечить или даже отравить конкурента.

Думаю, что спорт или, что точнее, "физкультура" была в СССР, в конце двадцатых годов, поставлена лучше, чем где бы то ни было. Советских заслуг тут нет никаких — как их не было и в вопросе возрождения семьи и религии. В 1928 г. мне пришлось ехать в Одессу и приводить там в порядок футбольную неразбериху: в городе было 16 официальных ("лиговых") футбольных площадок и, кажется, 25 неофициальных. И все они не могли вместить желающих играть. В 1938 г. мы с сыном пытались пристроиться хоть к какой-нибудь футбольной команде в Берлине — ничего не вышло. Были великолепные спортивные поля с

12 или даже 16 площадками и на них на всех не было почти никого. В спортивных клубах нас готовили принять даже за взятку, в секции борьбы и гиревого спорта ("есть данные"), но борьбы я терпеть не могу, а гиревым спортом — очень скучным — можно заниматься и у себя дома. Для футбола, который я очень люблю, и в который никогда не играл мало-мальски прилично, — у меня "данных не было". Тогда с горя мы предались теннису: за свои деньги и без всяких клубов. Приблизительно то же самое было и в Гельсингфорсе. Бизнес. Нечто вроде Холливуда.

Теперь я перейду к политике.

Перед Первой Мировой русская молодежь начала заниматься спортом

Рассматривая наш тогдашний спорт с высоты моего сегодняшнего опыта, я могу сказать, что мы занимались спортом правильно. Занимались всем, старались иметь соответствующие бицепсы, легкие и прочее в этом роде. Рекорды нас интересовали мало, а если и интересовали, то, так сказать, абстрактно: вот Митька Михайлов подтянулся на одной руке пять раз — нужно его уговорить дотренироваться до шести. В футбол мы играли запомним, но не столько для того, чтобы выиграть, как для того, чтобы поиграть. Все это было правильно. Но все это я могу оценить только сейчас. Сейчас у меня, правда, язва желудка — ничего удивительного: дезинтерия, три тифа, что-то вроде холеры, восемь чрезвычайек, из которых три пахли совершенно неизбежным расстрелом и десяток драпелей, из которых в трех случаях не было видно никакого выхода. Однако, — сердце и легкие на уровне возраста лет в тридцать, а мне сейчас, к сожалению, шестьдесят. Правильна была и моральная постановка нашего совершенно доморощенного спорта: всяким проявлением силы и ловкости мы восторгались совершенно бескорыстно. В одной из моих недавних статей я сильно усомнился в существовании "черни", "плебса", "толпы" и прочего такого, которые жаждали бы крови всех стоящих выше умственно и даже физически. В те годы я, конечно, стоял выше. Из известных иширокой публике людей сильнее меня было, вероятно, только двое: Поддубный и Заикин. Из неизвестных — Д. Михайлов, впоследствии полковник и представитель "Голоса России" в Тяньцзине: такой физической машины, как он, я никогда и ни-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ПЛОДЫ ОЛИМПИАДЫ

М. М. Спасовский
МОРСКАЯ ПОЛИТИКА
МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ
(Продолжение)

Борис Ширяев
ОБИТЕЛЬ
ПРЕОБРАЖЕННОГО ДУХА
(Продолжение).

Борис Башилов
ПРАВДА О БРИГАДЕ
КАМИНСКОГО

К. Николаев
ЕДИНСТВО НРАВСТВЕННОГО
ОБЛИКА РУССКОГО НАРОДА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Глеб Томилин
ДВЕ СИЛЫ

Boris Scirjaev
EL NACIMIENTO DEL SISTEMA
DE EXPLOTACION

В следующем номере:
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 4-ая
МОСКВА
(Продолжение)

где больше не видел. Но, во всяком случае, я никак не могу припомнить, чтобы кто бы то ни было жаждал моей крови. Со всем наоборот. В особенности, мальчишки. Никто, конечно, не жаждал крови ни Поддубного, ни Заикина. Ни Д. Менделеева, ни Л. Толстого. Фикция жаждущей крови толпы совершенно необходима для неудачников касты. Но это — только фикция.

**

Молодежь делилась на две части: а) спортивная и правая и б) длинноволосая и левая. Олимпиада 1912 г. нанесла нам, спортивным и правым, убийственный удар: Россия оказалась на предпоследнем месте, оставив за собою только кого-то вроде Парагвая. Длинноволосые издевались над нами, как могли, а ответить мы не могли ничего: "вот вам, ваша царская Россия! Хорошо еще, что ее Парагвай не побил". Очень значительную часть спортивной молодежи эта Олимпиада отбросила налево.

Сейчас, в 1952 г. советская команда, если и не заняла первого

места, то поделила это первое место пополам — между СССР и САСШ. Советчики будут говорить, что тут американцы сжулили, американцы будут говорить то же самое, — по адресу советчиков, конечно. Но все дело заключается в том, что эта победа будет полностью использована для "психологической войны" или, точнее, для психологической стороны будущей войны. Тем юнцам, которым сейчас 20—25 лет, и которые будут драться в первую очередь, будет сказано и о поражении Царской России на Олимпиаде 1912 г. и о том, как под водительством мудрейшего и гениальнейшего вот мы сейчас даже и Америку победили, несмотря на все ее жульничество. А уж на войне — тут уж американцам никакое жульничество не поможет. Для юнцов данного возраста все это будет очень убедительно. Будет оно убедительно и для юнцов, а также и для старцев иных стран: вот вы, контрреволюционеры, рассказываете нам всякие небылицы о нужде и голоде в Советской России, а вот вам цифры Олимпиады. Возразить трудновато. Так что, победа или полупобеда СССР на Гельсингфорсской Олимпиаде имеет гораздо большее значение для будущего всего человечества, чем это представляют себе спортивные обозреватели эмигрантской прессы.

**

Моя физкультурная карьера в СССР кончилась из-за того, что я тянул в сторону "массового спорта", а партийные организации — в сторону рекордов. Сейчас видно, что партийные организации, с их точки зрения, были дальновиднее. Подбирался соответствующий человеческий материал, ставился в исключительные условия и, кроме того, над ним висел меч террористической дисциплины: хочешь — не хочешь, а тренируйся. Само собою разумеется, что общий уровень здоровья России, оставшейся в Стокгольме на предпоследнем месте, был неизмеримо выше здоровья населения СССР, продвинувшегося в Гельсингфорсе на первое. Это — тоже вроде "жилплощади". В Царской России не было ни одного небоскреба, но у всех людей было свое и никак не уплотненное жилье. Сейчас Советы судорожно строят небоскребы, а жить негде.

Очень милая, очень симпатичная г-жа Кеннан, жена нынешнего посла САСШ в Москве, недавно написала целую книгу. Говоря несколько метафорически, ничего, кроме потуг на небоскребы она не видала. И даже ее русский шоффер говорил: "Да, нам еще очень тяжело, но зато наши дети будут работать только по два-три часа в день, и все магазины будут переполнены товаром". У г-жи Кеннан очень проницательный взгляд, в особенности, по части дамских мод. В отношении шофферов из НКВД она проявила гораздо меньше проницательности.

Боюсь, что не только у НКВД, но и у любого чекистского шоф-

М. М. Спасовский

Морская политика Московских Царей

(Продолжение).

Иоанн IV ясно сознавал (за сто лет ДО Петра Первого), что без собственного флота Москве никак не удастся овладеть нужным ей побережьем Балтийского моря, и вот в 1569 году Царь отправляет посольство в Лондон просить королеву Елизавету Английскую, во-первых, выступить против Литвы и, во-вторых, разрешить приезд в Москву "мастеровым, умеющим строить корабли и управлять ими", а также "вывозить на Русь пушки и все необходимое для ведения войны".

Английским купцам давались в Москве большие льготы. Но враги Московской Руси не дремали, и врагов этих было много. Первым восстал польский король Сигизмунд II Август.

6-го декабря 1569 года он писал Елизавете Английской:

"Как мы писали прежде, так пишем и теперь к Вашему Величеству, что мы знаем и достоверно убеждены, что враг всякой свободы под небесами, — москаль, ежедневно усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов, так как оттуда ему доставляются не только товары, но и оружие доселе ему неизвестное и мастера и художники (инженеры). Благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей.

...Мы доселе побеждали его только в том, что он был невежественен в художествах (инженерных делах) и не знаком с политикой. Продолжись это плавание в Нарву, — что останется ему неизвестным?

Мы предвидим, что, если другие государи не воспользуются этим предостережением, москаль, тщеславясь тем, что ему привезли эти предметы из Нарвы, усовершенствовавшись в военном деле орудиями войны и кораблями, сделает этим путем нападение на христианство, чтобы истребить и поработить все, что ему воспротивится, — отчего да сохранит Бог!

Некоторые государи уже послушались этого нашего предостережения и не посылают больше кораблей к Нарве.

феда и проницательности и предвзятости несколько больше. Достопочтенный Лин Эчсон в своей пресловутой речи о русском империализме обвинял русскую политику и в таком смертном грехе:

"Русские политики — царские или коммунистические — всегда думали далеко вперед. Они думали в масштабах поколений, в то время, как другие думали в масштабах нескольких лет".

А что, — если даже и не нескольких лет? А что, если вообще не думали?

Иван Солоневич.

Прочие же, которые будут плавать этим путем, будут захватываемы нашим флотом и подвергнутся опасности лишиться жизни, свободы, жен и детей.

Итак, если подданные Вашего Величества воздержатся от плавания в Нарву, им ни в чем не будет отказываемо. Пусть Ваше Величество взвесит и обсудит поводы и причины, побуждающие нас останавливать корабли, идущие к Нарве..."

В таком же духе писал Елизавете и шведский король Густав, резко подчеркивая, что Москву ни под каким видом и ни при каких условиях нельзя допускать до сношений с Зап. Европой, — "иначе Москва делается опасной не только соседям, но и Германии".

Даже знаменитый наместник в Голландии, герцог Альба на Франкфуртском конгрессе 18-го июля 1571 года счел необходимым в решительных выражениях обратить внимание европейских стран на успехи в морской политике Иоанна IV:

"Достаточно ознакомить Московского Царя с военным искусством Западной Европы, — и под его властью окажутся не только Нидерланды, но и весь христианский мир..."

И вот "весь христианский мир", единодушно решил оградить себя от Москвы железным занавесом. Этот "христианский мир" учел, что только путем удушения Москвы можно если не пресечь, то надолго приостановить естественный рост ее государственной мощи. Расчет был таков, — изолированная Москва, лишенная флота, морской связи и торговли, не опасна "христианскому миру" и именно поэтому всяческие помехи, тормозящие создание русской морской силы, — определено "угодны Богу".

В официальном своем ответе Англия отклонила просьбу Иоанна выступить против Польско-Литовского королевства, присылать в Москву знающих людей и доставлять ей боевые припасы. Так же поступила и Швеция, прекратив отправку своих кораблей в Нарву.

Но Иоанн IV был Государь Великий и по своему уму и по своему характеру. Борьбу с "христианским миром" за выход Москвы к морю он не прекратил. Великолепно понимая, что создать свой флот без знающих людей невозможно, а иметь и флот и гавани Москве необходимо, Царь прибег к замечательному маневру: предварительно, в 1570 году, наняв несколько английских кораблей и с их помощью захватив семьдесят польских корсаров в Балтийском море, привез их в Нарву и там казнил.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "НАШУ СТРАНУ"

Исторический набросок.

Маневр этот был прост. Играя на честолюбии и властолюбии брата датского короля, Магнуса, Царь предложил ему, во-первых, занять престол Ливонского королевства, которому Москва вернет все земли и которое будет находиться под протекторатом Москвы — при условии, что все крепости будут иметь русские гарнизоны, а в Государственном совете Ливонии будут заседать и русские дьяки и, во-вторых, жениться на племяннице Царя Евфимии.

Магнус согласился и после заключения трехлетнего перемирия с Польшей, в 1570 году был провозглашен королем Ливонии и принес присягу на верность Иоанну IV. Всякие пошлины были при этом упразднены и Магнус обязался "давать путь чистый в Московские области всем заморским купцам со всяким товаром, а также всяким художникам, ремесленникам и военным людям"...

Сговор "христианского мира" привел к тому, что Швеция начала войну с Москвой, чтобы лишиться ее всех преимуществ, связанных с завоеванием Ливонии, а в 1579 году в русские пределы вторгся и польский король Баторий. Пользуясь тем, что силы Московского Царя были уже подорваны, Баторий присоединил Ливонию к Польше, затем захватил московскую крепость Великие Луки и напал на Псков.

Изнемогая в неравной борьбе, Иоанн в 1583 году заключил и со шведами и с поляками мирный договор, по которому мы снова были отброшены от моря.

(Окончание следует).

КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА

Редакцией получены для отзыва следующие книги, вышедшие в Издательстве имени А. П. Чехова:

- С. Гусев-Оренбургский** — Глухой приход и другие рассказы. 304 стр. Цена \$ 2.25
Николай Нароков — Мнимые величины. Роман. 416 стр. \$ 3.00
Михаил Зошенко — Повести и рассказы. 428 стр. \$ 2.75
Владимир Вейдле — Вечерний день. 224 стр. \$ 2.00
"Неизданный Гумилев" — Под редакцией Проф. Г. Струве. 240 стр. \$ 2.25
М. Осоргин — Письма о незначительном. 416 стр. \$ 3.00
А. Ремизов — В розовом блеске. 416 стр. \$ 3.00
С. Шварц — Антисемитизм в Советском Союзе. 272 стр. \$ 2.25
В. Марков — Приглушенные голоса. Антология поэзии за железным занав. 416 стр. \$ 3.00

Вышла из печати и поступила в продажу

Иван Солоневич

Народная монархия

Часть 3-ья

КИЕВ И МОСКВА

Цена 1.50 ам. долл.

Борис Башилов

Правда о бригаде Каминского

1.

О существовании РОНА*) я узнал в 1942 году весной, когда был выпущен немцами из лагеря военнопленных и отправлен работать в пропаганду "Б". Пропаганда "Б" — главный орган немецкой военной пропаганды на центральном участке Восточного фронта. По замыслам немцев пропаганда "Б" после взятия Москвы должна была заменить собой центральные органы большевистской пропаганды. Кроме меня в пропаганде "Б" работал С. Максимов, автор "Дениса Бушуева", Р. Березов и целый ряд других лиц.

В Смоленске находился полномочный представитель Исполбюро НТС Георгий Сергеевич Околович. До войны он одно время проживал в Варшаве и сотрудничал с польской разведкой в деле переброски членов НТС на территорию России. Околович и сам нелегально пробрался в Россию и жил одно время в том же самом городе, где и я.

Околович весной 1942 года принял меня в члены НТС и я стал выполнять различные задания в целях пропаганды "идеологии" НТС.

Я вступил в НТС без особого увлечения этой идеологией, так как понимал, что никакой идеологии нет. Мой подход к НТС и к его руководству можно охарактеризовать поговоркой "На безрыбьи и рак рыба". Но все рушилось, надо было как-то работать, и я вступил в НТС.

В то время в Смоленске носились слухи о том, что в Брянских лесах, вокруг поселка Локоть, русским националистом Воскобойником созданы вооруженные силы и независимая от немцев власть на довольно значительной территории.

При проверке оказалось следующее: когда немцы вели наступление на Москву, они захватили в клещи громадную территорию. Одна группа немецких войск двигалась на Вязьму, вторая на Орел. Получился знаменитый Вяземский котел. Я в это время находился в рядах Красной армии, почти в центре этого котла, около Смоленска.

Когда немецкие клещи сомкнулись, то значительная часть территории вокруг Брянска на некоторое время оказалась вне поля внимания немецкого командования. Прошло известное время, прежде чем немцы решили установить власть в районе Брянска и Локтя. Но когда они пришли в поселок Локоть, то застали там вооруженные силы, уже созданные Воскобойником, которые сами вели борьбу с появившимися в лесах партизанскими отрядами.

В Локте и окрестных селах уже была создана власть тем же самым Воскобойником. Поскольку

ко Локоть был окружен лесами, а Воскобойник был человеком твердого характера, настоящим патриотом, то немцы решили не ломать сделанного Воскобойником и предоставили ему свободу действий. Свободу значительно большую, чем в других местах оккупированной немцами территории.

Это был один из немногих случаев, когда немцы проявили здравый смысл и политическую дипломатическую гибкость. И, действительно, прояви они больший нажим, вполне возможно, что Воскобойник одновременно с борьбой против советских партизан, возглавил бы борьбу и против немцев.

Местоположение Локтя благоприятствовало партизанскому движению. Кругом на десятки верст шумели густые Брянские леса, позже ставшие центром партизанского движения против немцев.

Вокруг Локтя создавался клочек полунезависимой русской территории. Глава этой территории Воскобойник получал от немцев оружие, имел с ними добрососедские отношения, но вся гражданская и военная власть принадлежала ему.

С каждым днем эта территория разрасталась. Бывшие колхозники создавали отряды и отвоевывали у партизан все новые и новые села и поселки. Это производило большое впечатление на жителей соседних районов, видевших, как с оружием в руках, русские люди отвоевывали у большевиков родную землю.

Нужно сказать, что такие полунезависимые "Русские княжества" на оккупированной немцами территории существовали не только в Локте. В лесах около Смоленска существовала "Семеновская Русь", созданная Семеновым, начальником полиции при немцах, который разобравшись в немецкой политике, повел борьбу и против немцев и против большевистских партизан.

Семенова немцы звали к себе обратно, переманивали к себе и большевики. Но Семенов и тех и других посылал к чертовой матери и, тоже вооружая крестьян, расширял пределы своего княжества. "Семеновская Русь" привлекала симпатии крестьян, которые бежали к нему и из сел занятых немцами, и из сел, находившихся под властью большевистских партизан. В других местах появились вольные атаманы типа Махно и Григорьева.

К сожалению, весь этот сложный комплекс явлений совершенно не освещен в эмигрантской прессе и эмиграция имеет превратное понятие о том, что делалось на оккупированной немцами территории.

2.

Факт возникновения "независимого" государства в Локте

привлек к себе внимание русских националистов. Им показалось, что представляется случай еще во время войны начать борьбу за создание независимой от немцев русской территории. Представители НТС несколько раз ездили в Локоть и "наводили справки".

Результат этих справок был следующий: Воскобойник убежденный русский патриот. Желая использовать доброе к себе отношение и доверие представителей немецкого командования он хочет расширить "свою" территорию как можно больше, на весь Брянский лесной массив. Он стремился к тому, чтобы выбить партизан из Брянских лесов и сделать их плацдармом антибольшевистского национального движения, а в случае победы немцев — центром антинемецкой борьбы.

Немцы, конечно, замысел Воскобойника понимали. И, надо сказать, отдельные представители немецкого командования, стоявшие за союз с Национальной Россией даже оказывали Воскобойнику поддержку, так как знали, что он не нанесет им предательского удара в спину в разгар вооруженной борьбы с большевиками.

Представители партийных кругов и работники СД поддерживали Воскобойника, скрепя сердце, не видя другого выхода, откладывая введение немецкой власти на территории, управляемой Воскобойником до разгрома большевиков. Зная настроение Воскобойника и населения, гестаповцы понимали, что в случае нажима на Воскобойника население окажет вооруженное сопротивление, так как слава о немецких порядках в местах управляемых немецкими комендатурами быстро дошла до Локтя.

К несчастью, во время боев с партизанами, Воскобойник был убит и власть перешла к Каминскому, бывшему до войны инженером одного из заводов в Локте.

Политическая атмосфера на независимой территории очень усложнилась. В лесах разрасталось партизанское движение. Локоть и другие населенные пункты кишели большевистскими и немецкими агентами.

Каминский был, конечно, убежденным антибольшевиком. До войны он был арестован и сидел в концлагерях, так что никакого чувства симпатии к большевикам у него не могло быть. Он оказался талантливым военачальником и под его руководством вооруженные отряды из местных жителей успешно громили большевистских партизан в тяжелых лесных боях.

Мне думается, что в начале Каминский рассчитывал на то, что как население оккупированной территории, так и эмиграция подержит его, и вокруг него создастся круг военных и политиче-

ских работников, которые смогут осуществить замысел погибшего Воскобойника.

Но ввиду идейного разброда, бывшего результатом невероятно сложной политической обстановки в этой части России, когда никто не знал, что будет лучше для России: идти ли с немцами и уничтожать и большевиков и русское государство; или идти вместе с большевиками и уничтожать иностранных захватчиков, но быть готовым к тому, что большевики останутся владельцами России, — Каминский не получил необходимой идейной поддержки и поддержки людьми, ни со стороны населения оккупированной территории, ни со стороны эмиграции.

Вместо того, чтоб обрасти военными и политическими руководителями из числа русских патриотов, Каминский уже в Локте оброс морально нечистоплотными элементами из числа немецких и большевистских агентов. Ближайшее окружение Каминского состояло, конечно, не только из одних немецких и большевистских агентов, но было и их изрядное число.

Каминский постепенно перестал верить в удачу дела, начал пьянствовать и сквозь пальцы смотреть на те безобразия, которые стали творить в отдельных случаях над партизанами и населением подчиненные ему отдельные военачальники.

3.

После прорыва у Орла, после тяжелых упорных боев, Русская Особая Народная Армия, выросшая до 13-ти тысяч человек, отступила из Брянских лесов и пыталась отвоевать себе "независимую" территорию около Лепеля, на Витебщине. Когда немцы отступили от Витебска, РОНА начала отвоевывать себе территорию в западной Белоруссии, около города Дятлова, все леса вокруг которого кишели большевистскими и польскими партизанами.

Каминский давно хотел создать политическую организацию, идея которой зародилась еще у Воскобойника. Исполбюро НТС направило к нему инженера Хомутова, который сумел войти в доверие к Каминскому и уговорил его создать без согласия Гитлера — русскую национал-социалистическую партию. Каминский, которому в этот момент было уже все равно, (дело происходило в Лепеле), одобрил план Хомутова.

Хомутов "разработал" проект партийной программы (на самом деле это было полное повторение программы НТС) и вот, в один прекрасный день все работники немецкого связного штаба были приглашены Каминским на банкет.

(Продолжение на 6-ой стр.)

*) Русская Особая Народная Армия.

Борис Ширяев

Обитель Преображенного Духа

(Продолжение).

Каковы же были люди, клавшие тогда эту твердую, прикатывавшие с морского берега эти непомерно-тяжкие валуны, поднимавшие их и громоздившие один на другой своими руками? Только руками. Какие технические приспособления могли быть тогда на далеком острове? Вероятно, даже лошадей на нем было очень мало. Перевозить их по морю на ладьях было трудно, да и где взять лошадей в том краю, где до сих пор ездят по тундре на оленях? Может быть, и совсем их не было. Работали только люди.

Это были титаны, колоссы, богатыри?

Нет. Это были простые русские мужики, "трудники", притекшие сюда со всех концов Руси. Они несли сюда греховные тяготы своих душ и сбрасывали их, припав к нетленным мощам Соловецких Святителей. В прославление их, снявших бремя греха с мужиков тульских, рязанских, коломенских, эти сермяжники, преобразенные в духе своем, вздымали непомерные тяжести мира земного.

Силою плоти, мускулов, сухожилий? Нет, силою духа. Титанами, колоссами, богатырями духа становились они здесь, у нетленных мощей таких же богатырей Духа Господня.

Попытаемся теперь представить себе их работу, выполненную тогда, постройку стен длиной почти в полтора километра, высотой до двенадцати метров в некоторых местах, со многими башнями, укрепленными сводчатыми воротами и толщиной до 8—10 метров.

Точные даты сроков начала и конца постройки неизвестны, но она была выполнена в течение недолгого царствования Феодора Иоанновича, следовательно, за 3—4 года.

Работало, безусловно, не менее двух-трех тысяч человек. Чем их кормили?

Вероятно, только свежей, сушеной и (меньше всего) соленой рыбой. Подвезти гужом муки из хлебобродных областей (с Оки, не ближе) было невозможно для такого количества тружеников. Вряд ли они получали более ста граммов хлеба в день. Витаминов совсем не было. Картофеля тогда на Руси не знали. Лука зимой возить нельзя — померзнет. Следовательно, подвозилось лишь очень, очень немного квашеной капусты. Должна была бы свирепствовать цинга, от которой и в двадцатом веке Соловецкие монахи оберегались отваром из сосновых иголок. Но при массовой эпидемии выполнение такой работы было бы невозможно. Следовательно, ее не было или она была незначительна.

Легко ли было выполнять столь тяжелую работу на таком скудном пайке?

Каковы были тогда инструменты? Топоры, лопаты, немного пил и примитивные рычаги. Какие "инженеры" руководили этой колоссальной работой, делали нужные расчеты материалов, набрасывали какие-то, хотя бы примитивные, планы, создавали кирпичный завод, вырабатывали какую-то крепчайшую известь, скрепляющую уже 400 лет громады валунов, научили применять рычаги и блоки мужиков, не умевших отличить правой руки от левой? Кто распределял рабочую силу, был центром этого, как скажем мы теперь, рекордно работоспособного коллектива строителей? И какая же сила, наконец, двигала эту титаническую работу?

Этой силой был Дух. Только Дух, потому что другой силы не было и не могло быть.

Следовательно?

Следовательно, реальное, вещественное выражение творчества Духа Господнего, то-есть ч у д о. Иного термина тоже нет в нашем языке.

В этих чудом духа сложенных из валунов стенах вырастали такие же люди-валуны, недробимые, целостные, нерушимые богатыри духа.

В Соловецком антирелигиозном музее и теперь лежит небольшой круглый камень. Это — "подглавие" (подушка) Соловецкого инока, позже игумена и митрополита Московского Филиппа Колычева, монашеский клубок которого восстал против Мономаховой Шапки, когда она покрывала греховную главу Царя Всея Руси. Дух — против плоти...

Кто победил? Был ли угашен дух смертью плоти, земного его вместилища?

Нет. Дух Святителя жив и поныне.

Среди тех же камней-валунов Соловецких стен пребывали два других валуна-человека, столкнувшихся в земной жизни своей, боровшихся в ней, но единых в своем духе, устремленном к Его Предвечному Источнику: патриарх Никон и протопоп Аввакум. Первый был иноком здесь, на соседнем Анзерском острове, второй — узником, и его темница в кремлевской стене, "Аввакумова щель", цела и поныне.

Они противостояли друг другу и боролись земною плотью своей, но были едины в духе русской веры во Христа. Они были лишь различными ее путями, частями Истины. Но может ли человек вместить в себе всю Истину Духа? Всю полностью? Абсолют?

**

На одной из площадей Соловецкого кремля и теперь лежит одинокий камень — надгробие. Надпись на нем почти стерта. Попавшие на соловецкую каторгу уголовники свято верят, что это могила разбойника Кудеяра и в созданной ими легенде провозглашают этого просвещенного Духом грешника чем-то вроде своего патрона.

Но надпись на камне гласит, что под ним погребен последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Кольнишевский. Монастырские записи повествуют, что этот буйный, непокорный Руси запорожец пробыл здесь в заключении несколько десятков лет. Освобожденный уже в XIX веке, он не захотел покинуть стен монастыря, ибо в них приобщился к Духу.

То же самое произошло здесь с великим грешником Петром Андреевичем Толстым, первым графом этого рода, сосланным сюда по проискам врагов — Долгоруких.

Много грехов лежало на его душе, и тяжчайшим из них было предание на смерть несчастного царевича Алексея. Ведь именно он, Петр Андреевич Толстой, клялся спасением души, обещая ему жизнь при возвращении в Россию. Этим он принял на душу грех сыноубийства, выманил Алексея из его Неаполитанского убежища, и ему, только ему одному, сказал в свой смертный час мученик:

— Всем прощаю смерть и муки мои, но тебе, Иуда, не прощу!

Искупил ли свой грех раб Божий Петр — нам неизвестно, но по монастырским сказаниям и он не пожелал вернуться в суетный мир, получив прощение. Ни возврат почестей, ни дарованные ему имения не прельстили его. Нашла ли покой его палимая адским пламенем совесть на Святом острове Зосимы и Савватия или нет, но иного места ей на земле не было.

**

В 1924 году новые соловецкие трудники, работая на Секирной горе, нашли в куче мусора множество медных и жестяных пластинок с выдавленными на них изображениями различных частей человеческого тела: ног, рук, глаз, сердец... этих последних изображений было особенно много. Потом другие такие же трудники, расчищая в самом кремле древнюю монастырскую "рухольную келью" — огромный подвал, сплошь заваленный тысячами старинных икон, иконок и различной церковной утварью, нашли целый склад таких же. Значения своей находки они не поняли и спросили о нем у оставшихся еще тогда в превращенном в каторгу монастыре монахов.

— За исцеление Святителем память, — ответили монахи. — Жертвовали по своему достатку: неимущие — медные или жестяные, достаточные — серебряные, а богатые и золотые оставляли. Их ваши чиновники теперь забрали, а эти бросили.

— Руки, ноги, глаза, это я понимаю, — спросил я тогда одного из монахов, — но почему так много сердец? Их здесь больше половины всего количества. Значит, так много сердечно-больных сюда приезжало?

— А как же, — заулыбался инок, — скорбных сердцем более всего было. Куда ж им, как не к нашим Святителям, деваться?

Рассудок соприкоснулся с духом. Статистика безмолвно стала у подножия того, что не поддается учету. Мы с иноком говорили на разных языках и о разных болезнях сердца.

Тогда, поняв это, я понял и слова Михаила Васильевича Нестерова, сказанные мне в Бутырской тюрьме в день получения мною приговора коллегии ОГПУ:

— Не бойтесь Соловков. Там Христос совсем, совсем близко.

В ПРОДАЖЕ
у всех представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА
ИМПОТЕНТОВ
Цена 2 доллара

**

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ
МОНАРХИЯ
ч. I. Основные
положения
Цена 1.50 долл.

**

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ
МОНАРХИЯ
ч. 2. Дух народа
Цена 1.50 долл.

**

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА
В ПРОДАЖУ

книга профессора
М. В. Зызыкина
ТАЙНЫ
ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I.
Цена 4 ам. долл.

Заказы адресовать:
Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina
или представителям
"Нашей Страны" на
местах.

**

"НАША СТРАНА"
существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представитель и подписчиков.

**

"НАША СТРАНА"
— газета, которую
НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции.

**

Мы очень просим
Г. Г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и **ВСЕГДА** вносить ее за несколько номеров **ВПЕРЕД!** Это значительно облегчит затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

Политическая Хроника

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ В ООН

24-го октября с. г. русские антикоммунисты "пикетировали" советскую делегацию в ООН. Демонстрация была организована и проведена, как и предыдущая, в день приезда Вышинского в САСШ, Постоянным Сопределением представителей североамериканских отделов шести российских организаций — КОВ-а, НТС, СБОНР-а, СБСР, СВОД-а.

После полудня 24-го октября участники демонстрации (их было около 60 человек) с плакатами и карикатурами на Сталина и Вышинского, направились к главному входу здания ООН. Полиция ООН преградила пикетировщикам дорогу. Тогда на границе международной территории ООН вытянулась длинная вереница людей с 25 плакатами и карикатурами. Началась раздача листовок всем выходящим из здания ООН и входившим в них:

как раз в это время в ООН кончается работа первой смены служащих. Листовками снабжались все автомобили, проезжавшие по 1 авеню и прилегающим к территории ООН улицам. Несмотря на сопротивление полиции ООН, участники демонстрации в одиночку и группами, прорвались через несколько входов в здание ООН и начали распространять листовки в служебных помещениях, в коридорах, в кулуарах зал заседаний, по всем этажам обоих зданий.

В демонстрации принимали участие члены шести организаций, в большинстве молодежь. Листовка была распространена в количестве 10.000 экземпляров.

Разоблачая роль Вышинского, палача русского народа и убийцы, разоблачая его роль представителя коммунистической клики, поработившей Россию, листовка заканчивалась призывом к американскому народу, ко всем антикоммунистам в их борьбе про-

Понял и задуманную им там во время одного из его приездов в монастырь картину "Святая Русь — Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные".

**

В те годы на Святом Соловецком острове жил еще последний на Руси схимник-молчальник. Его "кельица убога" стояла в глубине дебри, и лишь едва заметная тропинка вела к ней меж темных елей, по дремучим зарослям высоких папоротников. Это была простая землянка с одним крошечным оконцем. Чекисты его не тревожили, давали ему дожить свой век. Оставшиеся на острове монахи раз в неделю носили ему сухари

Однажды глухою безлунной сентябрьской ночью я возвращался пешком с отдаленной командировки. Дорога шла лесом, и я сбился с тропинки. Пришлось идти наугад, путаясь в высоких папоротниках, спотыкаясь о бурелом и валежник.

Пути не было, и я шел, уже не надеясь найти его до рассвета. Но вдруг впереди мелькнул отблеск какого-то луча. Я пошел на него, почти не веря, что это огонь в жилище человека. Он едва мерцал и порой совсем исчезал, скрытый ветвями ели...

Лишь подойдя вплотную, я понял, что свет идет из крохотного оконца незаметной во тьме землянки. Я взглянул в него.

Прямо передо мной горела лампадка, и бледные отблески ее света падали на темный Лик древней иконы. Ниже был виден ничем не покрытый аналой, а на нем раскрытая книга. Это было все, и лишь присмотревшись, я смог различить склоненную пред аналоем фигуру коленопреклоненного монаха и рядом, на лавке, — очертания раскрытого гроба.

Я стоял у входа в сокровенный затвор последнего схимника Святой Нерушимой Руси.

Войти я не посмел. Можно ли было нарушить своей человеческой нуждой в приюте смиренноторжественный молитвенный покой беседы молчальника с Богом?

До рассвета стоял я у окна, не в силах уйти, оторваться от бледных лучей Неугасимой лампады пред Лицом Спаса...

Я думал.. нет... верил, знал, что пока светит это бледное пламя Неугасаемой, пока озарен хоть одним ее слабым лучем скорбный Лик Искупителя людского греха, жив и Дух Руси многогрешной, заблудшейся, смрадной, кровавой... кровью омытой, крещенной ею, покаянной, прощенной и грядущей к воскресению, преображенной Китежской Руси.

Спустя год, я работал на вязке плотов. Инструктором у нас там был отец Петр, соловецкий инок. Лет уже более тридцати занимался он этим делом. Руки у него были, как дубовые корневища: суковатые, корявые, перекореженные, с твердыми, как железо, ногтями, но крепости в пальцах необычайной: металлические номерные бляшки, потолще серебрянного рубля, двумя паль-

цами в трубки скатывал, а собой был невелик и неширок в плечах — человек, как человек.

Раз в июле, в субботу, приходит он утром на вязку, потолковал с конвойным и к нам:

—Нынче вы, братики, одни работайте... без меня.

—Заболел, что ли, отец Петр?

—Нет, слава Богу, носит Господь, милует... Иное у нас дело нынче: погребенье...

—А кто ж у вас, отец, помер?

—Схимник наш, молчальник, что в затворе пребывал. Он и преставился Господу, а когда — того не знаем. Сухарики-то ему раз в неделю носили. По субботам. Нынче утречком пришли, вступили в затвор, а он, голубчик, лежит перед образом, лбом в землю уперся... Должно земной поклон клал и в тот самый раз Господь его душеньку принял. Сладостно это, утешно, и честь старцу великая, значит, венец райский заслужил... А стать тому должно еще в среду или во вторник. Сухарики-то старые непоедены и масло в лампаде все выгорело...

—Потухла лампада? — вскрикнул я невольно.

—Нет, тлелась еще малым светом. Подлинно неугасимая. В фитильке малая толика елей оставалась.

—И не потухла?

—Не допустили того. Подлили из скляницы с великим бережением, она и снова засияла перед Лицом Господа...

**

Тогда, почти тридцать лет назад, я думал, что эта лампада была последней на Святой Руси. Последней и единственной.

Теперь я знаю, что Соловки и все рожденные ими покрывающие Русь Голгофы — жертвенники искупления, на которые льется кровь, на которых сияли и сияют многие лампады.

Тогда в непроглядной тьме мне видна была лишь одна...

Чтобы воскреснуть духом, надо умереть плотью, надо лечь в гроб.

"Проказа сошла с него, и стал он чист", — писал евангелист, видевший первый Крест на первой Голгофе.

"Страданием очистишься", — повторил другой, позже пришедший в мир.

Когда в елей Неугасимой Лампады капает кровь, ее пламя вздымается ввысь, блистая и сияя всеми переливами небесной радуги — знака обета вечной жизни. Терновый Венец сплетается с ветвями Неопалимой Купины. Подвиг торжествует над страхом. Вечная жизнь Духа побеждает временную плоть. Безмерное высится над мерным, смертью смерть поправ.

Так было на Голгофе Иерусалимской, так было на Голгофе Соловецкой, на острове-храме Преображения, вместившем Голгофу и Фавор, слившем их воедино.

Б. Ширяев.

"КНИГА — ПОЧТОЙ"

Техническая литература. Учебники. Словари. Классики. Беллетристика. Детские книги. Газеты и журналы.

Книги высылаются в любой пункт Аргентины и другие страны. Заказы по почте высылаются по получении стоимости книг и двух песо на пересылку.

На ответ прилагать марки. Требуйте каталоги.

Почтовый адрес:

M. Tamarzeff

San Martín 344

Villa Ballester, FCNGBM

По вторникам и четвергам с 6—9 часов вечера книги продаются в библиотеке Русского Дома в Бажестере, Каже Сан Мартин 344.

Читайте и распространяйте "НАШУ СТРАНУ".

Против коммунистического рабства, помочь русскому народу освободиться от ига чуждой ему власти.

Розыски

Вера Семеновна ЯСКОВ разыскивает своих станичников станицы Константиновской Кубанской Области. Писать по адресу:

A. Iaskov

Rua Ministro Fermino

Whitacker No. 19, apart. 38

Sao Paulo, Brasil

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Хозяева

РУССКАЯ СКАЗКА

Обложка и рисунки в тексте ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧА

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

Цена — Ам. долл. 1.—

В Аргентине — Песо 15.—

Отзыв автора:

"Самое уютное, что я когда-то ни было написал".

ЦЕНА ОТДЕЛЬНО

ГО НОМЕРА

"НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенс.; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

Вышла из печати и поступила в продажу книга Бориса Ширяева (А. Алымова)

Ди-Пи в Италии

ЗАПИСКИ ПРОДАВЦА КУКОЛ

Цена книги: САСШ и Канада — 3 долл., Аргентина — \$ 35, Бразилия — 70 кр., Венесуэла — 10 бол., Уругвай — 6 песо, Англия — 1 ф. ст., Франция — 800 фр., Бельгия — 100 фр., Германия — DM 10, Австралия — 1 ф. ст., Италия — 2.000 лир, в других странах — 3 долл. в местной валюте.

Борис Башилов
ПРАВДА О БРИГАДЕ
КАМИНСКОГО
(Начало на 3-ей стр.).

Около каждого прибора стояла бутылка с вином, а около бутылки лежал манифест о создании "Национал - Социалистической трудовой партии России" и отпечатанная программа НТС. Для немцев это было полной неожиданностью, но возражать они не стали, так как узнали из донесений своих агентов, что Каминский решил итти "ва-банк" и недаром распорядился поставить около дома, где происходил банкет, все имевшиеся у него танки и броневики. Так была провозглашена, без согласия Гитлера, национал-социалистическая трудовая партия России.

Не знаю, донесли ли Гитлеру о том, что произошло в Лепеле. Я думаю, что нет. Потому что, если бы он об этом узнал, — полетели бы головы и офицеров связного штаба и правителя Белоруссии и многих других. Дела у немцев на фронте шли так, что заставить Каминского отказаться от своей идеи они не могли. Вооруженных сил у них не было, Каминский это понимал, и отдавая себе совершенно ясный отчет в том, что дни его сочтены, вел себя с немцами очень дерзко и независимо, что весьма импонировало всем офицерам и солдатам РОНА.

Немцы же знали, что если они предъявят Каминскому ультиматум, то он пошлет их ко всем чертям и объявит независимость своей территории. Им не оставалось ничего другого, как только проглотить оригинальную пилюлю, поднесенную им Каминским.

4.

Обстановка в Дятлово была невероятно сложной и тяжелой. В нем действовали немецкие и большевистские агенты, проработавшие в разведку и контрразведку РОНА, агенты польских партизан, просто морально разложившиеся элементы и, наконец, русские националисты, которые старались прекратить разложение, которое ширилось при содействии немецких и большевистских агентов, и использовать известную независимость территории РОНА и вооруженные силы РОНА в интересах Русского Освободительного Движения.

Под флагом "Русской национал-социалистической партии", подпольно работавшие в Дятлово работники НТС (Роман Редлих, Евстафий Мамуков, я и ряд других) развернули широкую пропаганду национальных интересов, воспользовавшись тем, что в Дятлово выходили две газеты без немецкой цензуры. Достаточно сказать, что за чрезвычайно короткий срок в разных городах были созданы "партийные организации", в которые вступило несколько тысяч человек.

Центральный комитет находился в Дятлово и был поэтому неуязвим для немцев. В Минске

"Областной комитет" занимал двухэтажное здание, которое немцы предоставили ему по просьбе центрального комитета. Были комитеты в Вильно, Полоцке, Двинске, Барановичи и других местах.

Никто из немцев, первое время, ничего не понимал, рядовые работники считали, что создание партии санкционировано Гитлером и мы плавали, как рыба в воде. Достаточно сказать, что газета "Голос народа", выходящая в Дятлово, к великой радости председателя Белорусской рады Островского, открыто доказывала, что никаких кривичей нет, что русские, белоруссы и украинцы, — ветви одного народа. И в Минске продавались газеты на — "белорусском языке" и наша.

Из одного этого можно видеть насколько сложной была обстановка, в которой пришлось работать последние месяцы перед занятием большевиками Белоруссии. Но, тем не менее, нами было выпущено более 200.000 экземпляров газет без немецкой цензуры, больше ста тысяч антибольшевистских листовок, была проведена демонстрация в Полоцке с плакатами, на которых было написано: "Не хотим ни большевизма, ни иноземной власти".

Было сделано немало и другого. В частности, удалось выполнить основную цель — не допустить выгодной для немцев конкуренции между двумя русскими армиями. Уже в июле 1944 года, я поехал в Ригу и сообщил представителю Власова полковнику Позднякову, бывшему позже начальником кадров РОА, чтобы он передал ген. Власову, что в случае создания массового антибольшевистского движения и Русской армии, РОНА будет под его начальством, что все для этого сделано. Так и случилось.

Таким образом, основная цель, ради которой руководство НТС пошло на камуфляж создания "национал-социалистической трудовой партии России" **была достигнута**. Была предотвращена возможность **борьбы между двумя кандидатами в военные руководители РОА**.

5.

После занятия западной Белоруссии, все части РОНА двинулись через леса, занятые партизанами, в Польшу. Каминскому немцы предложили возглавить борьбу с партизанами на Прикарпатской Руси. Но когда части РОНА проходили вблизи Варшавы, вспыхнуло варшавское восстание.

Я провел в Варшаве несколько дней накануне восстания и уехал за два или три дня до его начала.

Руководство НТС в Польше вело переговоры с польским подпольным штабом. Цель переговоров, как мне известно, в основном заключалась в том, чтобы убедить поляков не выступать против немцев, а сохранить вооруженные силы к моменту занятия Варшавы большевиками.

В частных разговорах с поляками я тоже доказывал им, что они не должны подставлять под удар с таким трудом созданную военную организацию, что армия должна выйти из подполья только тогда, когда большевики займут Варшаву. Мы доказывали, что если поляки будут иметь сто тысяч войск в Варшаве, то большевикам не удастся захватить Польшу, что они, конечно, постараются сделать. Но наши слова не были приняты во внимание.

Я уехал из расположения РОНА примерно дней за десять до восстания в Варшаве (в армии Каминского я не состоял), и больше не вернулся, но из многих бесед с заместителем Каминского полк. Белаем мне известно следующее.

Немцы предложили Каминскому бросить всю его армию на подавление восстания. Каминский и большинство командиров полков отказались это сделать. Согласился командир только одного полка, кажется, 5-го. Может быть, в подавлении восстания участвовали и еще какие-то мелкие воинские части, этого я не знаю.

Вполне возможно, что Каминский не согласился на предложение немцев потому, что он был поляк по происхождению, хотя и сильно обрусевший, но все-же поляк. В Дятлово, например, ходили слухи, что он более покровительствует ксендзам, чем священникам. Насколько это отвечало действительности, я не знаю.

Мне известно только, что и до начала отступления и во время отступления и Каминский и офицеры и солдаты РОНА очень недружелюбно относились к немцам и неоднократно дело доходило до острых скандалов.

Вскоре после отказа Каминского от помощи немцам в Варшаве, ему было предложено выехать на автомобиле из Польши в Прикарпатскую Русь — для осмотра местности, которую должна была защищать РОНА.

Затем появился слух, что Каминский вместе с ехавшими с ним убит партизанами по дороге. Кто убил Каминского, точно неизвестно. Могли его убить польские партизаны, могли убить и немцы. Зная насколько были обострены в заимоотношения между Каминским и командованием СС, я лично склоняюсь к мысли, что Каминского убили немцы, желая освободиться от строптивного человека.

Это была месть и за отказ подавлять Варшавское восстание и за другие случаи неподчинения приказам СС и, конечно, за создание без разрешения "национал-социалистической партии России", официальным вождем которой он был.

Немцы, конечно, в конце концов разобрались, что так называемая НТСПР — простая ширма, ловкий трюк со стороны русских националистов. После убийства Каминского, немцы посулили Белаю чин генерала и сделали предложение вести бригаду в Варшаву.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

читайте

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Но распропагандированный нами еще в Дятлово Белаи и другие командиры заявили, что они не хотят, чтобы РОНА была переформирована в дивизию СС, а хотят итти к Власову. После этого бригада Каминского была расформирована, все офицеры и солдаты, а также все оружие и несколько танков и броневинов было передано Власову. Белаи, отказавшись от генеральского чина, занял скромный пост начальника офицерского резерва в штабе РОА. Это был убежденный сторонник ген. Власова.

Первая дивизия РОА была вооружена оружием, полученным от РОНА.

6.

Такова истинная история бригады Каминского, о которой рассказывают всякие небылицы люди, ничего не знающие о действительных фактах и событиях.

По моим личным впечатлениям, несмотря на известный анархизм и совершенно неизбежные во время гражданской войны бесчинства, РОНА, созданная Воскобойником и Каминским из рабочих и колхозников Брянского и других районов, была подлинной **народной армией**. Антибольшевизм этой народной армии, возникшей стихийно для меня несомненен. Поэтому историю бригады нужно отделять от личности самого Каминского. А к личности самого Каминского нужно тоже подходить более справедливо, понимая всю сложность и трагичность положения этого несомненного антибольшевика и одаренного полководца. Каминский в начале и Каминский в конце, это совершенно различные люди.

Я не ставлю себе целью обеление личности Каминского, но простая справедливость заставляет меня сказать, что он был жертвой безвременья. Будь политическая обстановка менее сложной и найдись люди, которые поддержали бы Каминского на первом этапе его деятельности, после смерти Воскобойника, он мог бы стать выдающимся деятелем в антибольшевистской борьбе.

Вольтер сказал, что мертвым не надо льстить, но на них не надо и клеветать, о них нужно говорить только правду. Мне кажется, пора сказать истину и о РОНА и о ее бойцах, — крестьянах и рабочих, погибших в борьбе с большевиками.

Борис Башилов.

ТОЛЬКО УВЕЛИЧЕНИЕ ТИРАЖА
МОЖЕТ П О Н И З И Т Ь Ц Е Н У
ОДИНОЧНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА
ГАЗЕТЫ. ЗНАКОМЬТЕ С
"НАШЕЙ СТРАНОЙ"
ТЕХ, КТО ЕЕ ЕЩЕ НЕ ЧИТАЕТ —
ОНИ С Т А Н У Т НАШИМИ
П О Д П И С Ч И К А М И .

К. Николаев

Единство нравственного облика Русского народа

Проф. М. В. Зызыкин. Тайны Императора Александра I. Буэнос Айрес. Изд. "Наша Страна", 1952 г. 272 стр.

Профессор Михаил Валерианович Зызыкин, государствовед, канонист и историк. Его трехтомный труд "Патриарх Никон" свидетельствует о том, что он и историк русской культуры, русского духовного развития на его непрерывном пути через Афон, Византию, Москву к Империи и дальше в загадочную даль.

Москва приняла наследие Византии, когда Византия пала под ударами "турских людей". Приняла, сохранила и углубила. Церковным центром стала Москва и греков заменили люди сложных кровей. Все это было и неожиданно и значительно. И тогда изумительный социолог, старец Елиозаровского Псковского монастыря Филофей провозгласил Москву Третьим Римом и, мало того, что Третьим, но и Последним — Четвертому не бывать. Либеральные историки русской культуры увидели в этом только неуместную гордость Москвы. Москва — Третий православно-религиозный, христолюбивый и совестливый Рим. Он — последний и мы, "потомки православных", теряющие свои духовные корни, теперь понимаем, что действительно — Четвертому не бывать. А если нет Третьего, то никак, есть атомная бомба: просто гибель. В свое время духовно погибающую Византию церковно спасла Москва. Духовно разоряемую Россию спасти некому. Есть один только спаситель — Русский народ, спасающий себя и всего мира.

Тайны Императора Александра I — это тайны Руси — России, это тайны Русского народа, это тайны нашей духовной силы, нашей значимости в мире. Это русское постижение греха и покаяния в народе, среди народа.

Легенда о Федоре Кузьмиче, в образ которого обрелись Император Александр I, Агамемнон Европы, тончайший ум своего времени, сильный характер, несмотря на проявления кажущейся слабости, сокрушитель непоколебимого Наполеона силою нравственной выдержки, прошедший через испытание полувиновности в отцеубийстве и испытание московского разорения — легенда, если ее брать легендой, просто-напросто, мужицкая, крестьянская. Царь стал скитальцем, свободным от всех жизненных пут, крестившим Христа ради, в своем скитании по своей Русской Земле ищущий прощения грехов вольных и невольных.

В "легенде" о Федоре Кузьмиче, которая есть прекрасная наша русская правда — слился воедино Царь со своим народом, выявилось единство русской души и нравственного облика Царя и народа, Императора Александра Благословенного и странника Федора Кузьмича. Царь так во-

плотился в Кузьмиче, что перестал быть Царем, которым был с 11 марта 1801 г. по 19 ноября 1825 г.

Как же это произошло. Развитие этого небывалого в истории события, проф. М. В. Зызыкин излагает с большим искусством и большой простотой. И в этом сила изложения. Автор прекрасный знаток источников и понимает характер Императора и эпохи.

"Сочинение мое — говорит автор — не биография Александра и не история его царствования, но отдельные факты его биографии нашли себе в нем место". Труд производит впечатление гармонического воздействия источников на убеждение автора, которое в свою очередь ярко освещает источники.

Духовно Александр складывается в большой обстановке полного расхождения Екатерины с ее сыном Павлом, родившимся в 1754 г. Елизавета забрала сына Екатерины к себе и редко показывала его матери. Петербург, Царское Село и Гатчина, место пребывания наследника престола, в своем быту были до крайности различны.

В главе третьей автор очень сжато, но достаточно выпукло изображает то, что он называет "иностранный политика Александра". Все это в общем известно. Поражают неискренность, ложь, обман, которые в сложную обстановку вносили "союзники" — пруссаки, австрийцы, частью и англичане. Все эти короли, эрцгерцоги и проч., пребывая в обзоре Наполеона верно ему служили и были высокомерны с Александром, который возвращал им права. Никому нельзя было верить, ни Меттерниху, ни Талейрану, каждый тянул в свою сторону — немцы, австрийцы, поляки... Нельзя было угождать и своему дворянству.

Русскими руками Англия ликвидировала своего соперника в Европе. "Или я или Наполеон, но вместе царствовать мы не можем", — мысль эта была вредной риторикой, вроде "полной капитуляции" немцев в последней войне. Но Александр отделял Наполеона от Франции. Французии он верил и Францию жалел. Франция воевала с Россией, но не была врагом России. Французы, попадая в Россию, буквально в нее влюблялись. Наполеон жаловался, что его послы в России становятся проводниками русских идей. Особенно ярко в своем расположении к России выявлял себя блестящий Коленкур. Александр в конце царствования признавал, что низвержение Наполеона было ошибкой — "его надо было приберечь для Англии". Как ни смотреть на Священный Союз, заключенный "во имя Пре-

без монархии Россия не может быть ни сильной, ни процветающей, не может быть и просто "Россией".

святой и нераздельной Троицы", это был Союз во имя Бога и правильно замечает автор:

"Если бы Священный Союз был реализован среди христианских держав Европы, то не могло бы быть такого безобразного явления, как ООН, которая призвана работать над установлением во всем мире мира при наличии в своей среде держав, имеющих ввиду постепенную коммунизацию всего мира т. е. разрушение тех самых принципов, которые она призвана проводить".

Внутри России все бродило. В начале молодые друзья: Чарторыйский, Кочубей, Новосильцев, Строганов развивали мечтания, посеянные Лагарпом, потом такая сила, как М. М. Сперанский, подавлявший Александра своей потрясающей логикой государственных форм, Библейское Общество, кн. А. Н. Голицын, хлыстовка Татаринова, баронесса Крюденер, расплывчатая мистика, закрытие тайных обществ, арихмандрит Фотий, Шишков, Аракчеев, все это переплеталось, смешивалось. Неудачная семейная жизнь, близость польки М. А. Нарышкиной, ее уход, смерть дочери Софии и, наконец, раскрытие заговора декабристов. "Не мне их карать". Почва для ухода готова.

Событиям, связанным с уходом, посвящена глава IV. Ее содержание передать нельзя — ее нужно всю переписать. Материал сгруппирован с большой осторожностью, твердой рукой. Каждая деталь сама по себе как будто ничего не значит, но совокупность их, как совокупность косвенных улик, создает непоколебимую уверенность в том, что царь в ночь с 18-го на 19-ое ноября 1825 года ушел в неизвестность.

Все же можно остановиться на некоторых обстоятельствах: для лечения больной легкими императрицы был выбран совершенно неподходящий Таганрог на Азовском море, провинциальная дыра, вдали от всех и вся и от взглядов любопытных. 11 ноября ст. ст. была многочасовая беседа императора с императрицей. В Таганроге супруги вернулись друг к другу, чтобы расстаться навсегда. Они, вероятно, поняли, какой роковой ошибкой было их отчуждение на протяжении всей жизни. Смешной казалась ревность к Чарторыйскому. Где все это! После этого разговора, императрица писала матери:

"Где же убежище в этой жизни. Когда думаешь, что все устроилось к лучшему и можешь насладиться им, являются неожиданные испытания, лишаящие возможности воспользоваться тем добром, которое окружает нас".

17-го ноября, по словам Вилье, "князь Волконский в первый раз занял мою постель подле Императора. Барон Дибич отпра-

влен в нижний этаж". "Надо заметить, говорит автор, что князь Волконский занял постель доктора в то время, когда близость доктора, а не генерала, могла оказаться необходимостью для больного".

В день смерти Государя из Таганрога ушла яхта одного лорда, стоявшая в порту, а с яхтой исчез и англичанин Гревс, часто бывавший у Государя, оставив на произвол судьбы семью, о которой особую заботу проявлять стал граф Воронцов, близкий к покойному Государю.

При смерти не присутствовал прот. Федотов, который причащал Государя. Полная путаница в актах истории болезни, разногласия тех, кто, казалось, вблизи все наблюдали.

Императрица не сопровождает тела и сама по пути в Петербург загадочно умирает. Император Николай I занят постоянным наблюдением за документами близких к Императору Александру лиц и многие записки и воспоминания исчезают.

В Петропавловском Соборе поклоняются закрытому гробу. Странные вещи происходят, когда царская семья поклоняется телу. Словом, это единственный в русской истории и непонятный случай смерти императора, окруженный сетью запутанных обстоятельств.

Все эти факты, собранные проф. М. В. Зызыкиным, подавляют и от них нельзя уйти. Если царь ушел, то тогда вся эта путаница в момент смерти и погребения и в течение многих лет после, совершенно ясна, а если Царь не ушел, то ничего понять нельзя.

Император Александр Благословенный в ночь на 19-ое ноября ст. ст. 1825 г. ушел в неизвестность из дворца.

Вопрос о том, был ли Федор Кузьмич императором Александром, зависит в своем решении от основного вопроса — ушел ли император из дворца в Таганроге.

Если ушел, то Он — Федор Кузьмич и тут ни малейших сомнений нет и на доказательствах этого не стоит останавливаться. Бросается в глаза забота о Федоре Кузьмиче всех, с кем бы он ни соприкасался и другого такого отшельника русская история тоже не знает.

В наше мучительное время труд проф. М. В. Зызыкина разрывает завесу будущего. Велик душою тот народ, сын которого по велению своей совести может свободно сойти со ступеней Трона Российских Царей и уйти в народ.

Много грехов было на душе Венценосца, ярко он их сознавал и в самые тяжкие и самые радостные минуты своей жизни никогда о них не забывал. И в тесной своей келии, обращаясь взором к Парижскому триумфу, к празднествам Венского Конгресса, восприняв титул Благословенного, низко склонял колени перед Единым, в руках Которого сердце Царя и Который в своей неисповедимой милости указал Царю путь спасения грешной души.

К. Николаев.

ORIS SCIRIAEV

НАЧИНАНИЕ СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

(Continuación)

Los dos bandos, obreros jóvenes inválidos fueron formados por Frenkel en filas, una contra la otra en el lugar de la futura construcción. Soplaban fuerte el noroeste. El frío congelaba manos y orejas. Los pequeños de la fila más corta trataban de ajustar sus abrigo y cambiaban de un pie al otro, tratando de entrar en calor. La mayoría estaba vestida con harapos.

—Se trata de lo siguiente, — se dirigió Frenkel a los obreros — nosotros debemos construir aquí, en 24 horas un baño. Si no cumplimos, de aquí, derecho, nos vamos a Sekyrka, yo, ustedes y ellos — mostró él a los viejos. — La comida caliente con carne, nos la traerán aquí. Empecemos.

Los jóvenes miraban a los viejos. Los viejos miraban a los jóvenes. Unos y otros eran humanos. Los jóvenes comprendieron no sólo en la mente, sino también con el corazón, que la vida de los viejos, esos momentos, dependía de ellos.

—Compañeros, todos a una! Unámonos! Como marineros! — fue la acción de los jóvenes.

—Arriba! — dijo la voz del contratista.

—Alarma! — era la misma voz que en sus naves los ponía listos para la acción sobre cubierta.

Posiblemente, en los tiempos pasados de la Santa Rusia, con la misma unanimidad y con el mismo esfuerzo se levantaban, por una promesa, iglesias en un día.

En los revoltosos marineros de Kronstadt, últimos de la flota imperial rusa, todavía vivían las tradiciones, a pesar de la neblina sangrienta de la revolución — las tradiciones de Sebastopol y de Port-Artur. Ellos no habían olvidado todavía el canto de la muerte heroica del "Variag".

No estaban terminadas todavía las paredes de gruesos rollizos, cuando dentro de los ambientes que ellos formaban empezó la colocación de los hornos-estufas. Las tablas y tirantes, como por su propia voluntad, volaban por el aire. Los clavos de dos pulgadas, se clavaban con un solo golpe de martillo de la mano acostumbrada.

—Adelante! Adelante! — se oía en la obra.

Los viejos ayudaban como podían, pero podían muy poco. Frenkel sacó a propósito a los más indigentes, a los viejos obispos y generales. El mismo era el centro del trabajo, era un cerebro, y daba las órdenes bien, tranquilo y sereno. El cumplió con sus promesas: sopa espesa con carne y el pan sin racionamiento y alcohol.

El triste día del invierno de Solovky se terminaba. En la obra se prendieron los proyectores, y el trabajo siguió con el mismo ritmo.

Barinoff, al llegar al día siguiente entró a la antecámara del baño todavía con olor a viruta de los pinos. De la puerta del baño salía el vapor de las calderas que ya empezaban a hervir.

—Qué fenómeno! Qué ellos...! — gritó contento Barinoff. — A cada uno un vaso de alcohol! De parte mía! Y vos, — se dirigió a Frenkel, — pasá por mi despacho... Charclaremos un rato.

El trabajo había terminado dos horas y media antes del término fijado. En el lazareto llevaron solamente a dos curas viejitos congelados.

Ese día fue el principio de una nueva era en la vida del presidiario de Solovky. Así se incorporó a la construcción socialista iniciada y desparramada por todo el territorio de la sexta parte del mundo.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405
Correio Central, Sao Paulo.Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa
Ines, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pa-
din 2128 (por Beaucheff altura 1705),
Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister
str., San Francisco 18, Calif.Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str.,
New York, 33, N. Y.Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117
str., Edmonton, Alta.Mr. L. D. Kostyria, 43, Birch Ave, To-
ronto 5, Ontario.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuber-
lich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach
63.Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama".
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine.
Seine.Belgique: Librairie et Bibliotheque Sla-
ve — 13, Rue de Roumanie, BruxellesItalia: Sr. Prof. B. Sciriae. Campo
AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi,
Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buran-
da. Brisbane.Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.Polyglot, Bookshop, 182 George Str.,
East Melbourne, Vic.Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts
46 Victoria Str., Potts Points, Sydney,
N. S. W.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires

НАША СТРАНА

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвар.

кровати Серафимы Павловны, он с трудом поднялся на ноги.

—Так вы пока выздоравливайте. Придется малость полежать. А все остальное уж я устрою.

Серафима Павловна осталась одна. Бедро тупо болело, в голове шумело от инъекций, но влали вырисовывалась какая-то светлая полоска: зачислят в штат, дадут паек и комнату. Эх, нужно было бросить эту сволочь Гололобова давным давно, когда помоложе была. А так — жизнь прошла в темном месте, в дыре, среди каких-то мужиков... постепенно сознание Серафимы Павловны начало тускнеть.

(Продолжение следует).

Глеб Томили.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

**

Серафима Павловна снова утилась на той же койке, с которой ее выписали часа полтора тому назад. Ей что-то вспрыснули, перевязку она перенесла в полусознательном состоянии, пом доктор куда-то исчез, пом он вернулся, сделал еще одну инъекцию, от которой по плу Серафимы Павловны про то какое-то успокоение. Укдывая в металлическую корочку свой шприц, доктор скал:

—А вас, товарищ Гололобова, чет видеть товарищ Медведев, сейчас зайдет...

В душе Серафимы Павловны, лькнуло что-то вроде злорада: "Вот, только что, — и притить не хотел, сказали, что бон, а сейчас и сам сюда идет, и сволочь, — подумала Серафима Павловна. — Ох, и сволочь же, везде сволочь..."

Доктор открыл дверь, в которую тяжело вошел товарищ Медведев, пододвинул ему стул помог усесться. — Товарищ Медведев как бы простира над Серафимой Павловной свою запсованную и как бы благоовляющую руку.

—Не везет вам, Серафима Павловна, — сказал он интимно друственным тоном.

—Ох, и не говорите. Прихожу больная, домой, а этот подлец, мерзавец, негодяй выброл мои вещи... — Серафима Павловна, следуя выработанному самой трафарету хотела было то-то сказать о похищенной не-

винности и об этих сволочах мужчинах, но во время удержалась.

—Ну, об этом — позже, — мягко сказал товарищ Медведев. — А что это за шпион, которого вы увидели на улице?

—Как, что за шпиён? Ваш шпиён, тот самый.

Товарищ Медведев даже откинулся назад на спинку стула. — Е го шпиён? Да еще из-за его забора?

—Ваш, — упорно твердила Серафима Павловна, — вот тот самый сторож, что на охоте, егерь или как его, Степанычем, кажется звали, что в меня стрелял. Тот самый. Только рожа выбрита. Вид этаким интеллигентный на себя напустил, а там, где выбрито, — шкура, как у поросенка, даром что чем-то замазал. Он самый! Мне чего врать? А когда какой-то гражданин крикнул ему из окна "руки вверх", так он и руки поднял, — ему чего, знал что он тут не один, тут цельная банда, помяните мое слово. Счастье мое, что я еще за столб спряталась, — лежать бы мне сейчас на том свете, — это как Бог свят! Он самый!

—Но, все-таки, вы, вероятно, успели услышать, из какого направления шли выстрелы?

—Из того же самого, из-за забора. Особняк там стоит, — такой шикарный, вот, по моему, из этого особняка. Вот, живут же люди, как люди, и особняк и все такое. А мне-то куда деваться? Спасибо еще, что соседка этого подлца вещи мои к себе

взяла, — а то куда же я, больная, раненая?... Извозчика не найти. А чего мне назад в Лысково ехать, что я там буду делать? — Серафима Павловна даже слегка всхлипнула.

Товарищ Медведев все яснее и яснее начинал понимать, что его положение приобретает довольно мрачный оттенок. Не будь этой проклятушей бабы, не было бы, может быть, всей этой истории с Дубиным, со Степанычем, с генералом Буланиным. Но как бы то ни было, товарищ Медведев не мог не признать, что взгляд у Серафимы Павловны, несмотря на ее совершенно очевидную глупость, пронзительен до чрезвычайности. И что ссориться с ней нет смысла.

—А вы не беспокойтесь, Серафима Павловна, — сказал он по мере возможности дружелюбным тоном, — в Лысково вам, действительно, возвращаться нечего. Я вас тут в штат и на паек зачислю, комнату вам дадим, постепенно подучитесь, можете стать полезным работником.

Слезы, выступившие было на глазах Серафимы Павловны, высохли мгновенно. Правда, нужно было бы еще покочевряться, поломаться, но как и в давнем случае с товарищем Чикваидзе в Лысково, — события неслись слишком стремительно.

—Спасибо вам, товарищ Медведев, я уж постараюсь. И Дуньку эту самую найду.

—Какую Дуньку? — спросил в некоторой рассеянности товарищ Медведев.

—Вот ту самую, которая из Лыскова. Тут она всем делом заворачивает, это уж как Бог свят.

О святости Господа Бога товарищ Медведев спорить не стал. Не стал спорить и о Дуньке. Опираясь здоровой рукой о край